

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.18>

UDC 327

LBC 63.3(0)64+63.3(0)6+66.4

Submitted: 18.02.2020

Accepted: 13.07.2020

**RUSSIA – CHINA: A DIFFICULT WAY TO STRATEGIC PARTNERSHIP
(TO THE 70th ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT
OF DIPLOMATIC RELATIONS)**

Sergey V. Biryukov

Center for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China;
Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the features and historical evolution of the Soviet-Chinese (later Russian-Chinese) relations from the moment of the proclamation of the People's Republic of China in 1949 to the present. The analysis of the complex of factors that determined the complex dynamics of the relations between the two countries was carried out by the author of the article. It is shown that the Soviet-Chinese (later – Russian-Chinese) relations developed from close alliance to alienation and confrontation – with reaching a level of strategic partnership in the second decade of the 21st century. *Methods and materials.* The authors seek a combination of general theoretical and special methods, focusing on the historical, socio-cultural and political analysis. They are based on the analysis of periodicals, as well as using books, articles and materials of researchers on the problems of the political development of China and the USSR (Russia) and on the transformation of the nature of their bilateral relations. The author analyzes the current situation in the relations between the two countries, according to which the nature of the development of the general situation in international relations and the objective foreign policy interests of China and Russia encourage them to build and deepen bilateral partnership. *Results.* According to the author, many of the reasons that gave rise to a conflict of interests and confrontation between the two countries in previous years are exhausted today. At the same time, the joint participation of China and Russia in the formation and adoption of a new, more equitable and sustainable world order, in the settlement of conflicts and crises, in the arrangement of the Greater Eurasia space seems to the author justified and promising. Among the factors defining the nature of the Sino-Soviet relations the author identifies the relationship between the leaders of the two countries, the difference of geopolitical concepts and approaches, ideological disputes and differences in the views on strategy and prospects of the communist movement, the logic of the socio-political and socio-economic development in the context of modernization. The changing and contradictory correlation of these factors determined the development of the Soviet-Chinese (later Russian-Chinese) relations from a close alliance to mutual distancing and confrontation – with the subsequent entry into strategic partnership.

Key words: China, Russia, national and state self-determination, political dynamics, diplomacy, world communist movement, “Second” and “Third” worlds, Non-Aligned Movement, modernization, strategic partnership.

Citation. Biryukov S.V. Russia – China: A Difficult Way to Strategic Partnership (To the 70th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 231-245. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.18>

**РОССИЯ – КИТАЙ:
НЕПРОСТОЙ ПУТЬ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ
(К 70-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)**

Сергей Владимирович Бирюков

Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет,
г. Шанхай, Китайская Народная Республика;
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена особенностям и исторической эволюции советско-китайских (позднее – российско-китайских) взаимоотношений с момента провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. до настоящего времени. Автором статьи осуществлен анализ совокупности факторов, определивших сложную динамику взаимоотношений двух стран. Показано, что советско-китайские (позднее – российско-китайские) отношения развивались от тесного союзничества до отчуждения и конфронтации – с выходом на уровень стратегического партнерства во второй декаде XXI века. В качестве причин трансформации характера двусторонних взаимоотношений автор рассматривает происходившие общественно-политические изменения в обеих странах в период после Второй мировой войны, особенности их позиционирования на международной арене и в составе мирового коммунистического движения, особенности политического стиля и направленность политики лидеров обеих стран. Анализ современной ситуации во взаимоотношениях двух стран осуществлен автором, по заключению которого характер развития общей ситуации в международных отношениях и объективные внешнеполитические интересы Китая и России побуждают их к выстраиванию и углублению двустороннего партнерства. По мнению автора, многие причины, порождавшие в прежние годы конфликт интересов и противостояние двух стран, на сегодняшний день исчерпаны. Вместе с тем совместное участие Китая и России в формировании и утверждении нового, более справедливого и устойчивого миропорядка, в урегулировании возникающих конфликтов и кризисов, в обустройстве пространства «Большой Евразии» представляется автору обоснованным и перспективным.

Ключевые слова: Китай, Россия, национально-государственное самоопределение, политическая динамика, дипломатия, мировое коммунистическое движение, «Второй» и «Третий» миры, Движение неприсоединения, модернизация, стратегическое партнерство.

Цитирование. Бирюков С. В. Россия – Китай: непростой путь к стратегическому партнерству (к 70-летию установления дипломатических отношений) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 231–245. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.18>

Введение. Россия и Китай – две сверхдержавы, прошедшие в XX в. сложный и нередко драматичный путь развития, от молодых и «нежеланных» (прежде всего для западного сообщества) государств до статуса мировых держав, активно влияющих на глобальную «повестку дня». Их сотрудничество и соревнование в различных сферах предопределили сложную динамику в двусторонних взаимоотношениях в прошедшем столетии. Именно тогда обе страны утвердились в качестве мировых держав, реализовали собственные стратегии развития и масштабные политико-идеологические

проекты, продвигали собственные подходы к пониманию социалистической модели, которые в определенный момент пришли в состояние соперничества друг с другом. Отношения двух стран никогда не были простыми и беспроblemными. Были периоды «вечной дружбы», противостояния, «стратегических пауз» в отношениях и поэтапного сближения – вылившегося затем в стратегическое партнерство. Однако логика геополитического и общемирового развития [13] побудили стороны к нормализации отношений, а потом и к «беспрецедентному сближению» в первые десятилетия XXI века.

В течение всего периода выстраивания собственных дипломатических стратегий обе страны неизменно стремились адаптироваться к внешним вызовам и открывающимся возможностям, изменяли подходы к выстраиванию взаимоотношений друг с другом, делали акцент на различные факторы влияния – и стремились согласовать текущие внешнеполитические решения с более долгосрочной стратегией, выражающей их долгосрочные интересы и идеологические приоритеты [30].

Автор сознательно посвятил вводную часть работы уточнению методологии исследования – поскольку без такого уточнения не представляется возможным сформировать и обосновать системный взгляд на изучение российско-китайских взаимоотношений, проанализировать и обобщить представляющиеся значимыми подходы к их изучению китайскими и российскими исследователями (и в том числе содержащие в себе элементы системного и факторного анализа). Вторая часть статьи посвящена рассмотрению известных фактов и обстоятельств развития отношений двух стран с позиций системно-синерго-деятельностной методологии, в соответствии с которой СССР (Россия) и Китай рассматриваются как две взаимодействующие нелинейные системы, стремящиеся совместить решение задач внутреннего развития с адаптацией к изменениям во внешнем окружении. При этом дальнейшее развертывание автором заявленной им методологии исследования требует написания отдельной статьи.

Методы. На взгляд автора, для описания оптимальной стратегии поведения для мировых держав (включая Китай и Россию) больше подходит модель «государства-системы» (термин российского политолога и экономиста-международника А.И. Неклессы [12]) – то есть страны, которая стремится консолидировать имеющиеся у них ресурсы для обретения полноценной субъектности на международной арене – включая (на определенной стадии) продвижение собственной версии мирового порядка и мироустройства.

По мнению автора, наиболее способствует созданию комплексной картины изменений, происходивших и происходящих в российско-китайских взаимоотношениях, системно-синерго-деятельностная парадигма [6].

Она предполагает рассмотрение взаимоотношений СССР (России) и Китая как сложной системы, развивающейся в результате действия различных факторов (политических, экономических, социальных) в соответствии с нелинейными закономерностями (предполагающими многообразие вариантов развития ситуации в зависимости от комбинации этих факторов).

В чем заключаются преимущества системно-синерго-деятельностного подхода применительно к изучению советско-китайских, а потом и российско-китайских отношений в их историческом развитии? На наш взгляд, использование данного подхода предполагает следующие преимущества:

1. Позволяет выявить совокупность факторов (личностных, системных, формальных, неформальных и др.), определяющих характер и направленность развития двусторонних политических, экономических, военных и культурных отношений.

2. Позволяет определить совокупность проблем и противоречий, от успешного разрешения либо неразрешенности которых зависит не только текущее развитие, но и перспективы изменения двусторонних отношений.

3. Позволяет дать комплексную характеристику внешнеполитическим стратегиям, взятым на вооружение политическим руководством КНР и СССР.

4. Позволяет оценить совокупную эффективность внешнеполитических стратегий и моделей взаимодействия, используемых советской (российской) и китайской сторонами в разные периоды их взаимоотношений.

Рассматривая тему развития отношений двух стран, можно выделить несколько уровней проявления актуальных противоречий по следующим линиям:

Взаимоотношения лидеров – их политический стиль и подходы к формированию практической политики и внешнеполитического курса, политические приоритеты и амбиции.

Взаимоотношения стран по вопросам текущей политики – их позиции по вопросу о политических целях и средствах их достижения как на внутренней, так и внешнеполитической аренах.

Взаимоотношения в идеологической сфере – идеологические дискуссии, динамика

ческое соотношение стратегий «развитого социализма» и «мирного сосуществования с капиталистическими странами» (СССР) с идеологическими приоритетами времен правления Мао Цзэдуна и его преемников во главе КНР.

Позиции сторон по проблемам геополитики – соотношение взглядов на оптимальную структуру и характер желательного мирового порядка.

Общее и различное в подходах стран и их лидеров к целям и задачам международного коммунистического движения – вопрос о судьбах коммунизма и мировой антикапиталистической революции в XX в., подходы сторон к возможному изменению соотношения сил в мировой политике, о перспективных моделях мирового порядка.

Различия в циклах внутреннего развития и подходах к модернизации – конкуренция и спор между мобилизационным и эволюционным вариантами социально-экономического развития.

Расхождения относительно подходов к выстраиванию взаимоотношений СССР (России) и Китая с Западом (Европой и США) – своеобразное «чередование» подходов, основанных на противостоянии и приверженности к «мирному сосуществованию», к которым в разное время прибегало политическое руководство обеих стран.

Обсуждение. Значительная часть исследователей делают акцент на определенный комплекс факторов, определявших характер и особенности взаимоотношений СССР (затем России) и КНР начиная с 1949 г. – личностные (лидерские) (Д. Флойд [23], П. Шорт [36], А.Д. Богатуров [1], Ю.М. Галенович [3]), политические (Шен Жихуа и Яфенг Сиа [41], Ю. Песков [34], К. Менерт [32] и др.), политико-идеологические (М.С. Капица и др. [7; 8]), экономические (Дж. Фридман [24], А. Джершилд [29]), геополитические (Д. Хайнциг [27, р. 27], Б. Крозье [19, р. 142–149], Я. Трофимов [37], Дж. Уилсон [39] и др.) и военные (Э. Харрисон [26], Шен Жихуа [40] и др.). При этом имеет место известный дефицит работ, пытающихся проанализировать изменчивое соотношение перечисленных и иных факторов в конкретные периоды развития двусторонних отношений – что делает актуальными дальнейшие исследования этой темы.

Какая из теорий международных отношений наиболее подходит для описания истории взаимоотношений Китая и России в XX и XXI вв. – двух стран, опирающихся на многовековое и самобытное культурное наследие и имеющих собственные многовековые дипломатические традиции? Неореализм изначально рекомендовал рассматривать взаимоотношения двух государств в качестве самостоятельных (автономных) субъектов, руководствующихся факторами силы и интереса [33], что делало конкуренцию постоянной, а любые пакты – временными. Эту нехватку доверия, основанную на неопределенности, принято называть «дилеммой безопасности»; это означает, что увеличение безопасности великой державы неизбежно уменьшает безопасность других держав [38, р. 93]. Государства могут уменьшать для себя риски и негативные эффекты: внутреннее балансирование (последовательное наращивание внутренних возможностей и потенциала) и внешнее балансирование (вступление в союзы) [38, р. 99].

Однако мировой политический процесс куда сложнее любых теоретических схем – предсказывающих «упразднение государств», раздел мира между членами «клуба сверхдержав» [31] либо безальтернативность глобализации как процесса [25]. Современный миропорядок является «многослойным», и в его рамках государства не «преодолеваются» [22, s. 69], но сосуществуют на международной арене с другими акторами мировой политики – международными организациями, межгосударственными союзами, НПО, транснациональными корпорациями и другими негосударственными международно-политическими субъектами. Поэтому, как представляется автору, описанная выше неореалистическая схема не отражает всей полноты противоречий и возможностей, которые возникают во взаимоотношениях таких значимых мировых игроков, какими являются современные Китай и Россия.

Принятая в сегодняшней китайской историографии периодизация внешней политики данного периода в развитии Китая [16] немного отличается от традиционно используемой советскими и российскими учеными [4; 13]. Хотя внешняя политика КНР времен Мао Цзэдуна в китайской историографии делится на

три периода, водоразделом между первым и вторым периодами считается не 1960-й, а 1956 г. (это же касается и внутренней политики). Нужно признать, что подобная периодизация имеет под собой, по крайней мере, не меньше оснований, чем принятая в СССР и нынешней России и усматривающая рубеж в отношениях двух стран, приходящийся именно на 1960-е годы [4; 9]. Используя заявленный ранее системно-синерго-деятельностный подход, автор предпочитает взять за основу периодизацию, сформулированную исследователями из КНР, и рассматривать выделяемые ими периоды в развитии политики социалистического Китая (внутренней и внешней) как стадии единого политико-идеологического цикла, логика которого начиная с известного периода не совпадала с логикой политического процесса в СССР – что вело к росту напряжения и конфликтности в отношениях двух стран.

Использование в качестве исходного принятого в китайской историографии подхода к периодизации двусторонних отношений позволяет соотнести «китайский взгляд» с утвердившимся в советской (и позднее – российской) историографии подходом к их периодизации, соотнести динамику двусторонних отношений с логикой внутривнутриполитического процесса в обеих странах – а также с общей логикой процесса модернизации внешней политики СССР и КНР в ответ на изменения в мировой политике.

Попытаемся более подробно рассмотреть содержание основных периодов в развитии отношений СССР (России) и Китая, используя заявленный нами ранее системно-синерго-деятельностный подход, дополненный историческим и политическим анализом. При этом мы не будем предлагать собственной периодизации истории этих взаимоотношений, но возьмем за основу их подразделение на периоды, принятое в китайской историографии.

1949–1956 гг. – период «склонения в одну сторону». Первые восемь лет существования КНР, которые в советской и российской историографии чаще всего называют периодом «братской дружбы народов СССР и Китая», в Китае именуют «ибяньдао» – периодом «склонения в одну сторону» [17].

В начальный период с момента установления дипломатических отношений между

КНР и СССР в них преобладала позитивная динамика. Так, после провозглашения на площади Тяньаньмэнь Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г., СССР 2 октября этого же года установил с ней дипломатические отношения, одним из первых признав новую историческую форму китайского государства, обладающего многотысячелетней историей. В итоге сталинский СССР сделал ставку на оказание КНР масштабной помощи как государству некапиталистической ориентации и своему перспективному союзнику в международном коммунистическом движении и деле установления послевоенного мирового порядка. Китаю, в свою очередь, были интересны опыт и возможности социалистической модернизации («великий перелом»), реализованной (при всех известных издержках) в СССР в 1920–1930-е годы. Следуя взятым на себя обязательствам, Советское правительство оказало китайской стороне немалую помощь – экономическую, кадровую, производственно-технологическую и военно-техническую, которая была с благодарностью принята в КНР и использовалась для реализации собственных планов развития. Ставка СССР на поддержку КПК и НОАК во главе с ярким и сильным лидером Мао Цзэдуном осталась неизменной, несмотря на сложившиеся ранее взаимоотношения Москвы с Гоминьданом. В то же время первоначальные сомнения Москвы в возможности победы Мао Цзэдуна и сил КПК и НОАК вылились в итоге в идею создания на территории Китая (по аналогии с послевоенной Германией) двух государств с различной политико-идеологической ориентацией: коммунистической и гоминьдановской. Однако после победы Мао и возглавляемых сил в этом противостоянии последний обрел безусловное доверие Москвы и верного союзника в лице СССР – что знаменовало начало периода тесных союзнических отношений. Как результат этого политического выбора обеих сторон, 14 февраля 1950 г. был заключен Договор о дружбе, союзе, взаимной помощи между КНР и СССР. Воспроизведение во многих чертах советской модели социально-экономического развития принесло неоднозначные результаты, хотя определенный прорыв в развитии Китая был действительно совершен; ознаменованный договором период «вечной дружбы» продлился в итоге чуть

более 10 лет. Практическим воплощением этого тесного сотрудничества стали постройка 300 крупнейших заводов и их технологическое оснащение, передача Порт-Артура и Дальнего КНР, наращивание двусторонней торговли, строительство объектов производственной и транспортной инфраструктуры.

При этом китайские исследователи неоднократно подчеркивали вынужденный характер стратегии, предполагающей «наклон в одну сторону» (СССР). Китайские историки подчеркивают, что в условиях холодной войны и жесткой поляризации мира (с разделением его на военно-политические блоки во главе с Советским Союзом и США) новый Китай был так или иначе вынужден примкнуть к одному из этих лагерей – не отказываясь при этом от поиска возможностей для геополитического маневра (что выглядело естественным для страны, утверждающей в статусе мировой державы) [18, р. 327].

1956–1966 гг. – «удар двумя кулаками». Период с 1956 по 1966 г., сопровождающийся существенными изменениями в китайской внешнеполитической стратегии, по-разному оценивается и определяется китайскими экспертами и исследователями. Например, в книге «60 лет китайской внешней политики», изданной к 60-летию образования КНР (2009 г.), это десятилетие называется «периодом упорядочивания внешней политики». При этом, обобщенно определяя суть данного периода, китайские историки чаще всего используют термин из боевых искусств – «лянгэ цюаньтоу дажэнь» («удар двумя кулаками»), который по своему смыслу означает «борьбу на два фронта», что в тогдашней политической ситуации одновременно означало противостояние «американскому империализму» и «советскому ревизионизму». В переходе к этой по-новому ориентированной политике и состоял основной смысл перестройки (или «упорядочивания» – «тяочжэн») китайской внешней политики. Последнее означало поэтапный отказ от «склонения в одну сторону» с расширением контактов со странами Азии, Африки и Латинской Америки, с намерением возглавить их коалицию, одновременно противостоящую двум глобальным полюсам – «международному империализму» во главе с США и «международному ревизионизму» во главе с

Советским Союзом. По мнению китайских исследователей, политика КНР, нацеленная на создание альтернативного двум упомянутым «полюсам» третьего «глобального полюса», благодаря такому изменению действительно освободилась от «крайностей» предшествующего периода и стала по-настоящему независимой и самостоятельной [35].

Характерно при этом, что в советской и российской историографии различные этапы этого периода в отношениях между СССР и КНР описываются как «разногласия», «начало полемики» и только затем – «разрыва отношений». Следует признать, что расхождение интересов и мнений создавало предпосылки для подобного «разрыва» постепенно [5, с. 165–167, 175].

Моментом начала существенных изменений в советско-китайских отношениях стала смерть И.В. Сталина. Последовавшее за этим публичное разоблачение первым секретарем ЦК Н.С. Хрущевым культа личности Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. способствовало отчуждению в отношениях двух некогда очень близких друг другу государств. Подобное действие, затрагивающее совокупный символический капитал сообщества социалистических стран, было воспринято в Пекине как односторонняя акция Советского Союза, провоцирующая раскол в международном коммунистическом движении и подрывающая его совокупный авторитет. Другая причина – лидеры КПК, желая дальнейшего самоутверждения на международной арене, все чаще призывали СССР к более жесткой политике в отношении Запада, допуская мировую войну как средство разрешения противоречий в отношениях с империалистическими державами – что не устраивало Москву, стремящуюся к смягчению своих отношений с Западом.

Советское руководство, в свою очередь, упрекало руководство КНР за реализуемую стратегию «Большого скачка» – поскольку СССР после 1953 г. начал процесс перехода из мобилизационной фазы развития в эволюционную. Возникший «маленький спор», по мнению китайской стороны, не нарушил большое единство – но эпоха «великой дружбы» постепенно подходила к концу в связи с новыми политическими обстоятельствами. Поми-

мо этого, Китай нуждался во внешнеполитической самостоятельности в эффективном позиционировании на мировой арене.

В начале 1957 г. Мао Цзэдун изложил учение о месте и роли «трех сил» на международной арене, акцентировав принадлежность Китая к «третьей силе» – освободительному движению угнетенных наций и национальных государств, стремящихся укрепить свою внешнеполитическую субъектность. Именно их следует Китаю в первую очередь поддерживать на мировой арене, подчеркивая общность интересов с ними. В отношениях с СССР необходимо «методом убеждения разрешать противоречия», в то время как по отношению к капиталистическим государствам (исключая США) – бороться за мирное сосуществование, одновременно нейтрализуя «со всей решительностью» любые военные угрозы и возможные попытки «воздействия силой» на Китай.

Следует также помнить, что Н.С. Хрущев – последний идеологически мотивированный руководитель СССР, с масштабными планами переустройства внутренней и внешней политики Советского Союза и претензиями на лидерство в коммунистическом движении (в контексте инициированной им десталинизации) – что не всегда встречало одобрение руководителей других социалистических стран, вызывая напряжение [3].

Официальный разрыв советско-китайских отношений случился в 1960 г., когда Н.С. Хрущев, недовольный критикой китайской стороны и не просчитавший все возможные последствия своего решения, отозвал из КНР советских технических специалистов, что вызвало остановку ряда значимых производств. Это положило начало двадцатилетней эпохе прогностования, в основе которого лежали не только расхождения в подходах лидеров стран, но и объективные политические (несовпадение политических циклов и подходов к формированию практической политики), идеологические (расхождения в толковании марксистского учения – СССР стремился к сравнительно умеренным его интерпретациям, Китай при Мао Цзэдуне – к несколько более радикальным в целях более быстрого и успешного решения внутри- и внешнеполитических задач развития), экономические (спор между мобилизационной (в Китае) и

эволюционной экономической (восторжествовавшей в СССР) моделями), геополитические (спор о желательной структуре миропорядка и о роли в нем каждой из держав – который породил в итоге взаимные обвинения в гегемонистских устремлениях) противоречия. Характерно, что политические расхождения стали проецироваться практически на любые события, связанные с участием обеих держав (и прежде всего СССР) на мировой арене – будь то Карибский кризис 1962 г. или конфликт Китая с Индией в 1963 году.

И не случайно, что уже в 1963 г. произошел обмен между сторонами официальными посланиями с выражением своих позиций, подтверждающий наличие расхождений во взятых на вооружение внешнеполитических стратегиях двух стран.

1966–1976 гг. – «одна линия, один массив». Значительное влияние на взаимоотношения Москвы и Пекина, безусловно, оказывали и социально-политические процессы в самом Китае. Радикальный разворот отношений (инверсия) пришелся на время «культурной революции в Китае» (1966–1976). Период «культурной революции» определяется как китайскими, так и некоторыми зарубежными исследователями как «период, когда верх одерживала ультра-левая линия» [28, р. 163]. Данная оценка в значительной степени совпадает с принятой в российской историографии [10, с. 100–101; 11, с. 678–681]. При этом содержательные характеристики этого периода и его политическое значение оцениваются китайскими и российскими исследователями различным образом. Китайские исследователи акцентируют значение целенаправленных усилий (начиная с 1970 г.) председателя Мао Цзэдуна по консолидации сил для противодействия «ревизионистскому» курсу тогдашнего советского руководства [17]. Для этого китайскими историками используются понятия «итясянь, идапьянь» («одна линия, один массив»), означающие консолидацию общественно-политических сил.

Само начало «культурной революции» ознаменовалось декларацией КПК от августа 1966 г. о том, что «наступила новая эра в развитии мировой революции», в условиях которой «борьба против советского ревизионизма и американского империализма» стано-

вится центром всей внешней политики КНР. При этом главным является борьба против «современного ревизионизма», источником которого объявлялось руководство КПСС.

Ухудшение отношений распространялось не только на политическую сферу. В 1968 г. впервые после образования КНР не было подписано торговое соглашение с СССР, хотя продолжали действовать лишь контракты на отдельные виды товаров. В 1970 г. товарооборот упал до самой низкой отметки за всю историю отношений (41,9 млн руб.).

Значимые внешнеполитические события в мире также способствовали взаимному дистанцированию Китая и СССР. События 1968 г. в Чехословакии были использованы Мао Цзэдуном как подтверждение существующей возможности вмешательства Москвы во внутренние дела КНР (эту позицию подтвердил на официальном приеме 30 октября 1968 г. глава МИД Китая Чжоу Эньлай).

В сложившейся обстановке актуализировались пограничные споры. В декабре 1967 г. и январе 1968 г. произошли серьезные столкновения на о. Киркинском, а 26 января 1968 г. имело место первое столкновение на о. Даманском (ставшее прелюдией последующего вооруженного противостояния). В июне 1967 г. в КНР прошло первое испытание водородной бомбы, которое было диаметрально противоположным образом интерпретировано Москвой и Пекином, что лишь способствовало ухудшению двусторонних отношений.

Самым масштабным стал конфликт в 1969 г. на острове Даманском, унесший жизни десятков людей. Официального разрыва дипотношений тогда не произошло, хотя контакты во всех основных сферах были свернуты. Непредсказуемость официального Пекина беспокоило правительство СССР, де-факто проводившего политику «мирного сосуществования» с Западом и сознательно инициировавшего политику «разрядки»; очаг напряженности на восточных рубежах Москве был тогда не нужен.

Между тем созыв 5 июня 1969 г. Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве подтвердил твердость намерений советского руководства консолидировать международное коммунистическое движение на выгодных для себя позициях, уменьшив нега-

тивные последствия кризиса в своих отношениях с Китаем. При этом во избежание новой эскалации стороны не прекращали попытки наладить двусторонний диалог, используя для этого имеющиеся (пусть и ограниченные на тот момент) возможности.

Параллельно с этим китайское руководство стало развивать американское направление своей внешней политики, стремясь компенсировать таким образом произошедшее ухудшение взаимоотношений с Советским Союзом и прекращение союзнических отношений с ним. Китай, который с 1969 г. находился в состоянии серьезного ухудшения отношений с СССР, рассчитывал использовать сближение с США для усиления своих позиций. Подобное сближение позволяло успешнее решать вопросы дипломатического признания КНР и восстановления ее представительства в ООН (против чего не возражал и СССР), а также привлечения дополнительных ресурсов извне для социально-экономического развития Китая. Однако главным фактором сближения являлось все же «сдерживание» Советского Союза [20] и отстаивание собственных позиций и интересов КНР на международной арене и в рамках «Движения неприсоединения».

Подобный дипломатический прорыв позволил Китаю, по мнению китайских историков, уже в течение 1970-х гг. не только установить дипломатические отношения со 110 (из тогдашних 130) признанными международным сообществом государствами, но и качественно улучшить отношения с США, Японией и ведущими странами Западной Европы, что означало «второе упорядочение» внешней политики страны – чему не помешал внутренний процесс «культурной революции». Теоретическим обоснованием внешней политики КНР в начале 1970-х гг. стала «теория трех миров» председателя Мао Цзэдуна, являющаяся модификацией его прежней концепции «промежуточных зон» и публично заявленной в речи Дэн Сяопина (заменившего в последний момент ранее ангажированного свое выступление Чжоу Эньлая) на заседании Генассамблеи ООН в апреле 1974 года.

Указанная теория «трех миров» Мао Цзэдуна отличалась от традиционных западных подходов к делению мира на три услов-

ных «полюса» (капиталистические страны – социалистические страны – развивающиеся страны), напротив, предполагала подразделение мирового сообщества на две сверхдержавы – СССР и США, стремящиеся к гегемонии и навязыванию остальному миру своей воли; страны «второго мира», включая развитые капиталистические и восточноевропейские страны, так или иначе испытывающие давление со стороны тех или иных сверхдержав; развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, ведущие борьбу за внешнеполитическую субъектность и независимость против любых проявлений «империалистического диктата».

В этой ситуации задача Китая, статусно принадлежащего тогда ко «второму миру», состояла в консолидации народов «третьего» и «второго» миров в борьбе против «имперского гегемонизма» СССР и США; при этом особо подчеркивалась агрессивность политики Москвы и ее «небезопасность» для окружающего мира – а также необходимость противостоять ей «объединенными силами» стран «второго мира» с возможным участием США.

На период 1978–1979 гг. приходится новое обострение ситуации в двусторонних отношениях, вызванное вводом советских войск в Афганистан. Руководство КНР в ответ призвало к «созданию международной структуры сопротивления гегемонизму» – в итоге нормализация в двусторонних отношениях снова была отложена на «неопределенное время». В 1979 г. КНР отказался продлить Договор о Дружбе (1950), действие которого продолжалось до 1980 года.

Новая внешнеполитическая стратегия Китая, предполагавшая «сдерживание» СССР, оказалась вполне успешной, трансформировав биполярную структуру мира в фактически трехполярную, превратившись в независимый и самостоятельный мировой полюс. Эта политика вынудила СССР предпринимать дополнительные огромные усилия для обеспечения внешнеполитического баланса и поддержания паритета в сфере вооружений с НАТО, но также с Китаем и Японией.

Тем не менее успешная реализация КНР задуманных планов по репозиционированию страны на международной арене вкупе с сохраняющейся установкой руководства СССР

на избежание конфликтов способствовали постепенному отказу сторон от противостояния и развитию диалога. В итоге период с 1980 по 1991 г. стал временем постепенной нормализации отношений в контексте произошедших в Китае перемен – а также вследствие постепенного исчерпания обеими сторонами «конфронтационной повестки». С октября 1982 г. возобновились советско-китайские переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел (прерванные за несколько лет до этого). Как результат, в 1983 г. происходит возрождение приграничной торговли, налаживается обмен студентами и специалистами, начинается создание обществ дружбы. На основе проведенной представителями обеих стран работы в 1984 г. началась подготовка к заключению долгосрочного советско-китайского соглашения по внешней торговле на 1986–1990 гг., что стало признаком устойчивой нормализации двусторонних отношений.

После смерти председателя Мао Цзэдуна начался процесс медленного сближения и восстановления контактов двух стран. Политика перестройки в СССР, заявленная новым советским лидером М.С. Горбачевым, позволила советскому руководству освободиться от старых политических клише, обид и претензий. 10 июля 1985 г. подписано Соглашение о платежах и товарообмене на 1986–1990 годы. Для восстановления сотрудничества использовалась «стратегия малых шагов»: были инициированы проекты в таких сферах, как строительство, реконструкция объектов в Китае, обмен специалистами, торговые контракты. В 1989 г. после широко освещавшегося в мировых СМИ визита Михаила Горбачева в Китай были восстановлены межпартийные отношения – однако намерение Горбачева предложить Китаю подходы к преобразованиям в русле «нового мышления» не встретили (да и не могли встретить) большого интереса у китайского руководства, стремящегося сохранить управляемость общественно-политическими процессами и принципиально сохранявшего идеологические основания собственной политической системы; падение власти КПСС в 1991 г. приостановило сближение по партийной линии. Вместе с тем переход России к рыночной экономике открывал для Китая потенциально огромные

возможности советского и далее российского рынка, а также доступ к российскому рынку энергоресурсов. Происходящие изменения в отношениях набирающего международный геополитический и геоэкономический вес Китая с мировым сообществом делал актуальным укрепление связей с Россией, стремящейся заявлять и реализовывать самостоятельные подходы во внешней политике. Распад СССР и последовавшие за ним масштабные изменения ознаменовали новый виток во взаимоотношениях двух стран от официальных и сугубо прагматических к добрососедским, которые во второй четверти XXI в. трансформировались во взаимоотношения тесного и стратегического партнерства.

Посткоммунистический период развития двусторонних отношений ознаменовался новой масштабной трансформацией и ревизией содержания и характера теперь уже российско-китайских взаимоотношений. С одной стороны, дал новой России выстраивать свои отношения с Китаем «с чистого листа», особенно в экономической сфере (в связи с переходом России к рыночной экономике). В то же время декоммунизация в России начала 1990-х гг. создавала определенный диссонанс в отношениях с Китаем, который сохранил идеологический стержень своей политической системы; ситуация изменилась лишь в 2000-е гг., когда активная антисоветская риторика была вытеснена на периферию публичной политики. Между тем опыт экономических реформ Китая мог быть интересен для новой прореформистской и реформируемой России – однако тот факт, что Москва перешла к стратегии радикальных реформ, отбросив более мягкие и эволюционные стратегии и пути преобразований, затруднил восприятие китайской модели, где главным менеджером процесса общественно-экономических преобразований было и остается государство. При этом Россия Бориса Ельцина, сделав ставку на интеграцию в западное сообщество путем уступок, использовала потенциал партнерства с Китаем сугубо конъюнктурно – для давления на тогдашних западных партнеров Москвы с целью добиться от них уступок и льгот. В этой ситуации возможности для выстраивания двусторонних партнерских отношений были ограниченными.

Возвращение России к более самостоятельной и прагматической внешней политике в 2000-е гг., отказ от идеологического доктринерства и возвращение «сильного государства» при В. Путине создали предпосылки для более глубокого сближения – причем не конъюнктурного и одностороннего, а взаимовыгодного и выстраиваемого с ориентацией на долгосрочную перспективу. Юридическим закреплением результатов происходящего сближения позиций сторон явился Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный 16 июля 2001 г. в Москве Президентом России В.В. Путиным и председателем КНР Цзян Цзэминем, рассчитанный на 20 лет (с предполагаемым продлением каждые 5 лет). Договор также определил возможные направления развития отношений между двумя странами на ближайшую перспективу. Заключение договора означало завершение периода длительного отчуждения, и хотя в нем и не говорилось о возвращении к «Великой Дружбе» 1950-х гг., он был силен своей конкретикой и адекватностью ситуации.

После 2014 г. расширяющееся партнерство с Китаем позволило России компенсировать давление «консолидированного Запада» – однако, если бы российская система не продемонстрировала должной степени устойчивости, Китай вряд ли был бы столь заинтересован в партнерстве с Россией в складывающихся условиях. Китайское государство, посредством осуществления нескольких этапов внутренней модернизации и укрепления внешнеполитических позиций последовательно превращающееся в самодостаточную «государство-систему» (что означает не просто «внутреннюю самодостаточность», но внешнеполитическую субъектность страны и ее способность реализовывать комплексные внешнеполитические стратегии, формируя объединяющую «повестку дня» для других стран мира), последовательно продвигает собственную стратегию глобализации (проект «Великого Единения») и масштабный геоэкономический проект «Один пояс – один путь» [14; 15]. России еще предстоит решить ряд внутренних модернизационных задач и трансформировать свою внешнюю политику, преодолевая кризис в отношениях с частью

международного сообщества. В то же время, если Китай стремится соединить собственную политическую и цивилизационную модель («социализм с китайской спецификой») с видением глобальной общечеловеческой перспективы («Великое единение»), то в России, совершающей сегодня «восточный разворот» во внешней политике, дискуссии о цивилизационной и геополитической идентичности пока не завершены.

Предложение России к китайской стороне по поводу «разделения ответственности» за «Большую Евразию» (которую еще предстоит выстроить) не получило положительного ответа из Пекина, который четко увязывает свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую активность с задачами внутренней модернизации. Между тем «беспрецедентное сближение» Китая с Россией в политической сфере – последовательно распространяющееся на экономическую, научно-техническую и культурную сферы – начинает приносить свои плоды обеим сторонам. Близкие и сближающиеся интересы сторон в ряде значимых и переживающих кризисы в мировых регионах (Ближний Восток, Северная Африка, Латинская Америка), заинтересованность в сохранении безопасности в Центральной Азии и Афганистане, в функционировании базовых международных институтов и поддержании баланса сил в современном трансформирующемся мире – более чем достаточные предпосылки для развития партнерских отношений. К укреплению партнерства китайскую и российскую стороны побуждает потребность в более эффективном управлении протекающими в мире глобальными процессами и в управляемой реструктуризации мировой экономической системы [21]. Стремление как китайской, так и российской сторон принимать во внимание общую логику протекающих в современном глобальном мире процессов, адаптируясь к ним с учетом национальных интересов и задач национального развития, создает фундамент для долгосрочного партнерства.

Таким образом, взаимоотношения СССР (и его правопреемницы России) и Китая, пережив глубокие трансформации (зачастую болезненные и сопровождавшиеся конфликтами), периоды жесткого репозиционирования

(вплоть до прямого противостояния) и переосмысления, в итоге пришли к состоянию тесного партнерства в начале XXI в., от которого многие ожидают эффективного содействия процессу глубоких качественных трансформаций современного мироустройства [4; 34]. Подобная диалектика в развитии отношений двух стран представляется автору вполне закономерной.

Результаты. Проведенный автором статьи анализ позволяет утверждать, что советско-китайские (позже российско-китайские) отношения после 1949 г. развивались по сложной амплитуде, когда стороны постепенно перешли от тесного союза («вечной дружбы») к охлаждению отношений и даже к прямой конфронтации (на сравнительно короткий период) [2] – с последующим выходом на «стратегическое партнерство» в начале XXI века. Комплексный и непростой характер этих взаимоотношений был предопределен тем, что СССР и КНР являются двумя государствами-системами в статусе мировых держав, вынужденными соединять решение задач внутренней социально-экономической модернизации с адаптацией внешнеполитического курса к изменениям, происходящим в мировой политике, – что требовало от них системного ответа на возникающие вызовы, с продвижением собственных политико-идеологических и геополитических проектов, что создавало потенциал как для кооперации, так и для конкуренции. Сотрудничество и соревнование двух стран в различных сферах предопределили сложную динамику в двусторонних взаимоотношениях в прошедшем столетии. Отношения двух стран развивались от стадии «вечной дружбы» (1949–1956 гг.), противостояния (вплоть до отдельных военных эпизодов), «стратегических пауз» в отношениях (1990–2000 гг.) и поэтапного сближения – вылившегося затем в стратегическое партнерство (2010 – вплоть до сегодняшнего дня). Однако логика геополитического и общемирового развития [13] побудила их к нормализации отношений, а потом и к «беспрецедентному сближению» в первые десятилетия XXI века. Среди факторов, повлиявших на взаимоотношения двух стран в исследуемый период, автор соответственно выделяет: 1) взаимоотношения лидеров стран (особенности их политического

стиля и характер внутри- и внешнеполитического курса); 2) взаимоотношения стран по вопросам политической повестки дня (как на внутренней, так и внешнеполитической аренах); 3) идеологическая конкуренция и дискуссии (споры о содержании коммунистической модели и ее перспективах в мировом масштабе, о перспективных стратегиях социалистического строительства); 4) позиции сторон по проблемам геополитики (соотношение взглядов на оптимальную структуру и характер желательного мирового порядка); 5) совпадение и различие в подходах стран и их лидеров к целям и задачам международного коммунистического движения (спор о стратегии мировой революции и о возможном изменении соотношения сил мировых держав, о перспективных моделях мирового порядка); 6) различия в циклах внутреннего развития и возможное несовпадение характера модернизационных стратегий (конкуренция и спор между мобилизационной и эволюционной стратегиями социально-экономического развития); 7) различие в подходах к выстраиванию взаимоотношений СССР (России) и Китая с Западом (Европой и США) – своеобразный «треугольник интересов», баланс сил в рамках которого был достаточно изменчивым, включая в себя элементы конкуренции и компромисса, к которым в разное время были привержены политические руководители обеих стран. В течение всего периода выстраивания собственных дипломатических стратегий обе страны неизменно стремились адаптироваться к внешним вызовам и открывающимся возможностям, изменяли подходы к выстраиванию взаимоотношений друг с другом, делали акцент на различные факторы влияния – и стремились согласовать текущие внешнеполитические решения с более долгосрочной стратегией. По мнению автора, многие причины, порождавшие в прежние годы конфликт интересов и противостояние двух стран, на сегодняшний день исчерпаны. Вместе с тем совместное участие Китая и России в формировании и утверждении нового, более справедливого и устойчивого миропорядка, урегулировании возникающих конфликтов и кризисов, обустройстве пространства «Большой Евразии» представляется автору обоснованным и перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров, А. Д. Мао Цзэдун и Н. С. Хрущев / А. Д. Богатуров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.Newsru.com> (дата обращения: 08.07.2020). – Загл. с экрана.
2. Борисов, О. Б. Советско-китайские отношения. 1945–1970. Краткий очерк / О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. – М. : Мысль, 1972. – 476 с.
3. Галенович, Ю. М. Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун / Ю. М. Галенович. – М. : ИДВ РАН, 2012. – 321 с.
4. Галенович, Ю. М. История взаимоотношений России и Китая : [в 4 кн.] / Ю. М. Галенович. – М. : Русская панорама, 2011. – Кн. 3. – 464 с.
5. Галенович, Ю. М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений / Ю. М. Галенович. – М. : Восточная книга, 2011. – 412 с.
6. Гомеров, И. Н. Парадигма политологии : лекция / И. Н. Гомеров. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2011. – 55 с.
7. Капица, М. С. КНР: два десятилетия – две политики / М. С. Капица. – М. : Политиздат, 1969. – 352 с.
8. Кручинин, А. Пролетарский интернационализм – основа ленинской политики СССР в отношении Китая / А. Кручинин // Ленин и проблемы современного Китая : сб. ст. – М. : Ин-т Дальнего Востока АН СССР, 1971. – С. 261–281.
9. Ленинская политика в отношении Китая (1917–1967 гг.). – М. : Наука, 1968. – 257 с.
10. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М. : ФСТ, 2003. – 632 с.
11. Меликсетов, А. В. История Китая / А. В. Меликсетов, А. А. Писарев. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 736 с.
12. Неклесса, А. И. Государство и корпорация / А. И. Неклесса. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2675> (дата обращения: 08.07.2020). – Загл. с экрана.
13. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018 : учеб. пособие для вузов / А. Д. Богатуров [и др.] ; под ред. А. Д. Богатунова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 362 с.
14. Тавровский, Ю. Н. Новый Шелковый путь. Главный проект XXI века / Ю. Н. Тавровский. – М. : ЭКСМО, 2017. – 368 с.
15. Тавровский, Ю. Н. Си Цзиньпин. Новая эпоха / Ю. Н. Тавровский. – М. : ЭКСМО, 2018. – 400 с.
16. Чжунго вайцзяо люшинянь (1949–2009) : [Международные отношения Китая за 60 лет (1949–2009)]. – Пекин : Изд-во Академии общественных наук КНР, 2009. – 320 с.

17. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао : [История Китайской Народной Республики (в 4 т.)]. – Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2012. – 365 с.
18. Bruce, E. Elleman. *Diplomacy and Deception: The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations* / E. Elleman Bruce. – Armonk, N. Y. : M. E. Sharpe, 1997. – 342 p.
19. Crozier, B. *The Rise and Fall of the Soviet Empire* / B. Crozier. – Roseville : Prima Publishing, 1999. – 830 p.
20. *China, the United States, and the Soviet Union: Tripolarity and Policy Making in the Cold War* / ed. R. S. Ross. – London : M.E. Sharpe, 1993. – 204 p.
21. *Chinese Politics in the Xi Jinping Era*. By Cheng Li. – Washington : Brookings Institution Press, 2016. – 512 p.
22. Cziempel, E.-O. *Kluge Macht – Außenpolitik für das 21. Jahrhundert* / E.-O. Cziempel. – München : C. H. Beck, 1999. – 274 s.
23. Floyd, D. *Mao against Khrushchev: A Short History of the Sino-Soviet Conflict* / D. Floyd. – New York ; London : Praeger, 1964. – 456 p.
24. Friedman, J. *Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World* / J. Friedman. – Chapel Hill (NC) : University of North Carolina Press, 2015. – 304 p.
25. Globalization: the “Westernization” and alternative forms of global strategies // Center for strategic assessment and forecast. – 2014, January 18. – Electronic text data. – Mode of access: <http://csef.ru/en/politica-i-geopolitica/326/globalizacziya-vesternizacziya-i-alternativnye-formy-globalnyh-strategij-5063> (date of access: 08.07.2020). – Title from screen.
26. Harrison, E. *Salisbury. The War between Russian and China* / E. Harrison. – New York : Norton, 1969. – 224 p.
27. Heinzig, D. *The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance* / D. Heinzig. – London : Routledge, 2015. – 488 p.
28. Joel, A. *Rise of the Red Engineers: The Cultural Revolution and the Origins of China’s New Class* / A. Joel. – Redwood City : Stanford University Press, 2009. – 344 p.
29. Jersild, A. *Sino-Soviet Rivalry in Guinea-Conakry, 1956–1965: The Second World in the Third World* // *Socialist Internationalism in the Cold War* / A. Jersild. – London : Palgrave Macmillan, Cham, 2016. – P. 303–325.
30. Kortunov, A. V. *Between Polycentrism and Bipolarity* / A. V. Kortunov // *Russia in Global Affairs*. – 2019. – № 1 (January/March). – Electronic text data. – Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/between-polycentrism-and-bipolarity> (date of access: 08.07.2020). – Title from screen.
31. Kwang, Ho Chun. *The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis* / Ho Chun Kwang. – Burlington, VT : Ashgate Publishing Ltd., 2013. – 242 p.
32. Mehnert, K. *Soviet-Chinese Relations* / K. Mehnert // *International Affairs*. – 1959. – № 35 (4). – P. 417–426.
33. Morgenthau, H. J. *Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace* / H. J. Morgenthau. – New York : Alfred A. Knopf, 1948. – 489 p.
34. Peskov, Yu. *Sixty Years of the Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance Between the U.S.S.R. and the PRC, February 14, 1950* / Yu. Peskov // *Far Eastern Affairs*. – 2010. – № 38 (1). – P. 100–115.
35. *Shi nian lunzhan, 1956–1966, Zhong Su guanxi huiyilu (Ten-Year War of Words, 1956–1966, a Memoir of Sino-Soviet Relations)*. By Wu Lengxi. – Beijing : Zhongyang wenxian chubanshe, 1999. Two volumes. – 940 p.
36. Short, P. *Mao: A Life* / P. Short. – Great Britain : Hodder & Stoughton, 1999. – 782 p.
37. Trofimov, Y. *The New Beijing-Moscow Axis* / Y. Trofimov // *Wall Street Journal*. – 2019. – February 2. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/the-new-beijing-moscow-axis-11549036661> (date of access: 08.07.2020). – Title from screen.
38. Waltz, K. *Theory of International Politics* / K. Waltz. – Boston : Addison-Wesley, 1979. – 251 p.
39. Wilson, J. *Strategic partners: Russian-Chinese relations in the post-Soviet era* / J. Wilson. – London : Routledge, 2015. – 296 p.
40. Zhihua, Sh. *Sino-Soviet relations and the origins of the Korean War: Stalin’s strategic goals in the Far East* / Sh. Zhihua // *Journal of Cold War Studies*. – 2000. – № 2 (2). – P. 44–68.
41. Zhihua, Sh. *The Great Leap Forward, the People’s Commune and the Sino-Soviet Split* / Sh. Zhihua, Xia Yafeng // *Journal of Contemporary China*. – 2011. – № 20 (72). – P. 861–880.

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. *Mao Czedun i N.S. Hrushchev* [Mao Zedong and N.S. Khrushchev]. URL: <http://www.Newsru.com> (accessed 8 July 2020).
2. Borisov O.B., Koloskov B.T. *Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1945–1970. Kratkiy ocherk* [Soviet-Chinese Relations. 1945–1970. Short Essay]. Moscow, Mysl Publ., 1972. 476 p.
3. Galenovich Yu.M. *Dva «pervyh lica»: Hrushchev i Mao Czedun* [Two “First Persons”: Khrushchev and Mao Zedong]. Moscow, IDV RAN, 2012. 321 p.

4. Galenovich Yu.M. *Istoriya vzaimootnoshenij Rossii i Kitaya* [The History of Relations Between Russia and China]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011. Book 3. 464 p.
5. Galenovich Yu.M. *Rossiya v «kitajskom zerkale». Traktovka v KNR v nachale XXI veka istorii Rossii i russko-kitajskih otnoshenij* [Russia in the Chinese Mirror. Interpretation of the History of Russia and Russian-Chinese Relations in the PRC at the Beginning of the 21st Century]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2011. 412 p.
6. Gomerov I.N. *Paradigma politologii: Lekciya* [Political Science Paradigm: Lecture]. Novosibirsk, NGU, 2011. 55 p.
7. Kapica M.S. *KNR: dva desyatiletija – dve politiki* [China: Two Decades – Two Politics]. Moscow, Politizdat, 1969. 352 p.
8. Kruchinin A. Proletarskij internacionalizm – osnova leninskoj politiki SSSR v otnoshenii Kitaya [Proletarian Internationalism – the Basis of the Leninist Policy of the USSR in Relation to China]. *Lenin i problemy sovremennogo Kitaya: sb. st.* [Proceedings “Lenin and Problems of Modern China”]. Moscow, Institute of the Far East, Academy of Sciences of the USSR, 1971, pp. 261-281.
9. *Leninskaya politika v otnoshenii Kitaya (1917–1967)* [Leninist Policy Towards China (1917–1967)]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 257 p.
10. Malyavin V.V. *Kitajskaya civilizaciya* [Chinese Civilization]. Moscow, FST, 2003. 632 p.
11. Meliksetov A.V., Pisarev A.A. *Istoriya Kitaya* [Chinese History]. Moscow, MGU, 2004. 736 p.
12. Neklessa A.I. *Gosudarstvo i korporaciya* [State and Corporation]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2675> (accessed 8 July 2020).
13. Bogaturov A.D., ed. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij. Opyat' razdelennyj mir. 1980–2018: ucheb. posobie dlya vuzov* [System History of International Relations. Again a Divided World]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 362 p.
14. Tavrovskij Yu.N. *Novyj Shelkovyj put'. Glavnyj proekt XXI veka* [New Silk Road. The Main Project of the 21st Century]. Moscow, EKSMO Publ., 2017. 368 p.
15. Tavrovskij Yu.N. *Si Czin'pin. Novaya epoha* [Xi Jinping. The New Era]. Moscow, EKSMO Publ., 2018. 400 p.
16. *Zhongguo waijiao lushinyan (1949–2009)* [China International Relations for 60 Years (1949–2009)]. Pekin, Publishing House of the Academy of Social Sciences of China, 2009. 320 p.
17. *Zhonghua Renmin Gunhego Shigao* [History of the People's Republic of China (in 4 volumes)]. Pekin, Renmin Chubanshe, 2012. 365 p.
18. Bruce E. Elleman. *Diplomacy and Deception: The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations*. Armonk, New York, M.E. Sharpe, 1997. 342 p.
19. Crozier B. *The Rise and Fall of the Soviet Empire*. Roseville, Prima Publishing, 1999. 830 p.
20. Ross R.S., ed. *China, the United States, and the Soviet Union: Tripolarity and Policy Making in the Cold War*. London, M.E. Sharpe, 1993. 204 p.
21. *Chinese Politics in the Xi Jinping Era*. By Cheng Li. Washington, Brookings Institution Press, 2016. 512 p.
22. Cziempel E.-O. *Kluge Macht – Außenpolitik für das 21. Jahrhundert*. München, C.H. Beck 1999. 274 p.
23. Floyd D. *Mao against Khrushchev: A Short History of the Sino-Soviet Conflict*. New York, London, Praeger, 1964. 456 p.
24. Friedman J. *Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World*. Chapel Hill (NC), University of North Carolina Press, 2015. 304 p.
25. Globalization: the “Westernization” and alternative forms of global strategies. *Center for strategic assessment and forecast*, 2014, January 18. URL: <http://csef.ru/en/politica-i-geopolitica/326/globalizaciya-vesternizaciya-i-alternativnye-formy-globalnyh-strategij-5063> (accessed 8 July 2020).
26. Harrison E. Salisbury. *The War between Russian and China*. New York, Norton, 1969. 224 p.
27. Heinzig D. *The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance*. London, Routledge, 2015. 488 p.
28. Joel A. *Rise of the Red Engineers: The Cultural Revolution and the Origins of China's New Class*. Redwood City, Stanford University Press, 2009. 344 p.
29. Jersild A. Sino-Soviet Rivalry in Guinea-Conakry, 1956–1965: The Second World in the Third World. *Socialist Internationalism in the Cold War*. London, Palgrave Macmillan, Cham, 2016, pp. 303-325.
30. Kortunov A.V. Between Polycentrism and Bipolarity. *Russia in Global Affairs*, 2019, no. 1, January/March. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/between-polycentrism-and-bipolarity> (accessed 8 July 2020).
31. Kwang Ho Chun. *The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis*. Burlington, VT, Ashgate Publishing Ltd., 2013. 242 p.
32. Mehnert K. Soviet-Chinese Relations. *International Affairs*, 1959, no. 35 (4), pp. 417-426.
33. Morgenthau H.J. *Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace*. New York, Alfred A. Knopf, 1948. 489 p.
34. Peskov Yu. Sixty Years of the Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance Between the U.S.S.R. and the PRC, February 14, 1950. *Far Eastern Affairs*, 2010, no. 38 (1), pp. 100-115.
35. *Shi nian lunzhan, 1956–1966, Zhong Su guanxi huiyilu* [Ten-Year War of Words, 1956–1966, a

Memoir of Sino-Soviet Relations]. By Wu Lengxi. Beijing, Zhongyang wenxian chubanshe, 1999. Two volumes. 940 p.

36. Short P. *Mao: A Life*. Great Britain, Hodder & Stoughton, 1999. 782 p.

37. Trofimov Y. The New Beijing-Moscow Axis. *Wall Street Journal*, 2019, February 2. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-new-beijing-moscow-axis-11549036661> (accessed 8 July 2020).

38. Waltz K. *Theory of International Politics*. Boston, Addison-Wesley, 1979. 251 p.

39. Wilson J. *Strategic partners: Russian-Chinese relations in the Post-Soviet Era*. London, Routledge, 2015. 296 p.

40. Zhihua Sh. Sino-Soviet relations and the origins of the Korean War: Stalin's strategic goals in the Far East. *Journal of Cold War Studies*, 2000, no. 2 (2), pp. 44-68.

41. Zhihua Sh., Yafeng Xia. The Great Leap Forward, the People's Commune and the Sino-Soviet Split. *Journal of Contemporary China*, 2011, no. 20 (72), pp. 861-880.

Information About the Author

Sergey V. Biryukov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Researcher, Center for Russian Studies, East China Normal University, North Zhongshan Road, 3663, 200062 Shanghai, China; Professor, Department of Political Science and Technology, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhegorodskaya St, 6, 630102 Novosibirsk, Russian Federation, birs.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4071-0464>

Информация об авторе

Сергей Владимирович Бирюков, доктор политических наук, профессор, научный сотрудник, Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет, ул. Северный Джонгшан, 3663, 200062 г. Шанхай, Китайская Народная Республика; профессор кафедры политических наук и технологий, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Нижегородская, 6, 630102 г. Новосибирск, Российская Федерация, birs.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4071-0464>